ДАР С. И. СОФОНЕВСКОГО

А. Ветуховъ.

О „НОВОЙ НАУКѢ СЕМАТИКѢ“

М. Бреаля.

ХАРЬКОВЪ.
Типо-Литографія «Печатное Дѣло», кн К. Н. Гагарина, Ключковская ул., домъ № 5-й.
1899.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

025
65

Отдѣльные оттиски изъ Трудовъ Педагогическаго Отдѣла Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Выпускъ V. 1899 годъ.

О „новой наукѣ сематикѣ“ М. Бреаля *).

Названіе этой науки произведено отъ греч. σημαίνω — означаю, значу, въ противовѣсъ фонетикѣ—наукѣ о звукахъ, которой по преимуществу занято современное языкознаніе.

Бреаль полагаетъ, что внутренняя, психологическая сторона въ языкѣ—все, и поэтому относится, нѣсколько по-юношески, съ пренебреженіемъ къ «чернорабочимъ» языкознанія, занимающимся внѣшней стороной языка и расчищающимъ путь въ глубину человѣческой мысли.

«И научныя и популярныя сочиненія по лингвистикѣ непрерывно выходятъ въ свѣтъ одно за другимъ; однако я не думаю, чтобы они давали то, что они должны были-бы давать. Для того, кто умѣетъ вопрошать, языкъ полонъ полезныхъ наставленій, потому что втеченіе цѣлаго ряда столѣтій человѣчество складываетъ сюда стяжанія своей матеріальной и духовной жизни. Но чтобы получить отвѣтъ, надо обратиться къ той сторонѣ, которая можетъ говорить нашему уму. Если ограничиваются изученіемъ гласныхъ и согласныхъ звуковъ, то уменьшаютъ науку о языкѣ до размѣровъ второстепенной отрасли акустики и физіологіи: если довольствуются исчисленіемъ тѣхъ потерь, которыя понесъ съ теченіемъ времени грамматическій механизмъ, то даютъ картину зданія, лежащаго въ развалинахъ; если увлекаются безпредѣльными теоріями о происхожденіи языка, то прибавляютъ безъ всякой пользы лишнюю главу къ исторіи философскихъ системъ» (с. 18—19). Г. Бреаль, очевидно, забываетъ, что все это составныя части сложной машины—научнаго языкознанія, что все это—средства, пути къ достиженію цѣли, которую ставитъ и Бреаль для науки о языкѣ: «лингвистика говоритъ человѣку о немъ самомъ; она ему указываетъ, какъ онъ создалъ, какъ онъ усовершенствовалъ самое необходимое орудіе цивилизаціи среди препятствій, постав-

*) Мишель Бреаль—извѣстный французскій филологъ (род. въ 1832 г.), профессоръ въ Коллежѣ де Франсъ, въ Парижѣ, генеральный инспекторъ высшихъ учебныхъ заведеній, авторъ многихъ статей по сравнительной миѳологіи и знаменитый переводчикъ «Сравнительной грамматики Боппа».—Статья подъ приведеннымъ заглавіемъ помѣщена была въ іюньской книжкѣ «Revues de deux mondes» за 1897 годъ, а переводъ ея, сдѣланный г. *В. Я.*, въ «Педагогическомъ Сборникѣ» за 1898 г., кн. 1-я, с. 18—38-я. По этому переводу цитирую.

ляемыхъ всей природой, вопреки неизбѣжнымъ замедленіямъ, даже вопреки временному регрессу. Она должна также сказать, при какихъ условіяхъ это драгоцѣнное орудіе, завѣщанное намъ предками, сохраняется—и при какихъ портится» (с. 19-я).

Вотъ эти то «интеллектуальныя причины, направляющія измѣненіемъ нашихъ языковъ», и пытается установить авторъ «новой науки», подводя ихъ подъ 4 закона: 1) о дистрибуціи словъ, 2) о неполнотѣ и неточности словъ, 3) о субъективной сторонѣ языка и 4) объ объективной сторонѣ языка, прибавляя, впрочемъ, что въ языкѣ наряду съ послѣдовательными измѣненіями есть и «незаконченныя попытки, остановившіяся на полпути», и что у каждаго изъ этихъ законовъ есть предѣлы, у которыхъ они останавливаются.

Дистрибуція словъ—законъ, въ силу котораго синонимы «съ теченіемъ времени становятся настолько различными по смыслу, что уже не могутъ замѣнять другъ друга» (с. 20) Различеніе это совершается конечно, безъ предпамѣренія, «по требованію обстоятельствъ, по внезапному вдохновенію и въ присутствіи дѣйствительной потребности. Въ тотъ-же моментъ, какъ усмотрѣна вещь, она ассоціируется съ извѣстнымъ словомъ» (Ib.). Примѣненіе этого закона особенно рельефно проявляется при встрѣчѣ и борьбѣ за равноправіе двухъ языковъ или нарѣчій, изъ коихъ одно стремится занять болѣе высокое, болѣе «аристократическое» положеніе, другое опускается, становясь «пошлымъ», вульгарнымъ. «Принимая новыя слова, народъ ихъ внѣдряетъ среди словъ уже извѣстныхъ, при чемъ нѣтъ ничего удивительнаго, что послѣдніе подвергаются перемѣщенію и отходятъ на задній планъ. И пока будутъ смѣшиваться народности, будутъ и новыя причины дистрибуціи. Чтобы остановить этотъ процессъ, надо наложить на языкъ таможенную пошлину» (с. 21—2).—«Въ сущности нѣтъ ничего натуральнѣе и необходимѣе дистрибуціи, потому что наше сознаніе собираетъ слова въ различной средѣ, и въ нашей памяти было-бы полное смѣшеніе, если-бы тамъ не производилось извѣстнаго распорядка» (с. 23). Способность къ дистрибуціи стоитъ въ тѣсной связи съ уровнемъ цивилизаціи общества и степенью индивидуальнаго развитія. «Есть оттѣнки значенія, которые существуютъ только для народовъ культурныхъ. И вообще различенія дѣлаются сначала болѣе тонкими умами; только съ теченіемъ времени они становятся общимъ достояніемъ (с. 25). Можно сказать еще опредѣленнѣе: въ живомъ языкѣ нѣтъ двухъ словъ тождественныхъ; содержаніе, даваемое мыслью языку, всегда богаче того, что можетъ выразить послѣдній. Отсюда, *неполнота и неточность* словъ—неотъемлемый признакъ языка. Слова «суть знаки, связанные съ вещами; они заключаютъ въ себѣ лишь ту часть истины,

которую можетъ вмѣстить въ себѣ слово, часть по необходимости тѣмъ меньшую, чѣмъ большею реальностью обладаетъ предметъ... Для языка оказывается невозможнымъ втѣснить въ одно слово всѣ понятія, которыя этотъ предметъ можетъ возбуждать въ умѣ. Между всѣми понятіями онъ выбираетъ только одно, и такимъ образомъ создается имя, которое немедленно становится символомъ (значкомъ).—Для того, чтобы имя было принято, необходимо, чтобы оно съ самаго начала имѣло въ себѣ нѣчто поражающее правдивостью; необходимо, чтобы оно съ какой-нибудь стороны удовлетворяло умъ тѣхъ, для кого оно предназначено. Но это условіе имѣетъ силу только въ самомъ началѣ. Однажды принятое, имя очень скоро освобождается отъ своего этимологическаго значенія, которое иначе могло-бы послужить причиною большихъ затрудненій» (с. 26).—«Чѣмъ болѣе слово удаляется отъ своего первоисточника, тѣмъ свободнѣе обращается съ нимъ мысль: расширяетъ его значеніе или ограничиваетъ, специфируетъ или обобщаетъ. Сдѣлавшись какъ-бы этикетомъ предмета, слово сопровождаетъ его во всѣхъ превратностяхъ исторіи, возвышаясь или унижаясь въ достоинствѣ, и переходя иногда къ такому значенію, которое совершенно противоположно первоначальному: къ этимъ различнымъ ролямъ оно тѣмъ способнѣе, чѣмъ болѣе походитъ на простой знакъ. Фонетическія измѣненія не только не вредятъ ему, но напротивъ благопріятствуютъ, потому что при ихъ помощи слово порываетъ связь съ другими словами, которыя остались на первыхъ этапахъ историческаго пути или пошли по другимъ направленіямъ. Но даже и въ томъ случаѣ, когда не произошло фонетическаго измѣненія, современное значеніе слова такъ много значитъ для нашего ума, что заставляетъ насъ забывать значеніе этимологическое (с. 28).

Дѣло въ томъ, что *субъективная сторона* въ языкѣ занимаетъ выдающееся, первенствующее мѣсто: отъ нея зависитъ разнообразное пониманіе, а значитъ—богатство и сила языка. Всякій понимаетъ по-своему, вкладываетъ въ вызванную другимъ говорящимъ форму свое личное содержаніе, сходное, согласное съ пониманіемъ собесѣдника лишь по скольку они люди одной цивилизаціи, одной народности, воспитанія, близости вкусовъ, развитія и проч. Не будь этой субъективности, вѣдь и ложное пониманіе было-бы невозможно, а значитъ—и всякое новое, выходящее изъ круга условныхъ, разъ на всегда принятыхъ понятій, т. е. языкъ былъ бы обращенъ въ мертвую машину, изъ него вырванъ былъ бы жизненный нервъ.

Да и по самой первичной цѣли, для коей создавался языкъ,—это нѣчто крайне субъективное. «Слово создано ни для описанія, ни для разсказа, ни для объективнаго разсужденія. Выражать желанія, водворять

порядокъ, указывать на свою собственность—вотъ первопачальныя функціи языка. И въ отношеніи многихъ людей это почти единственная функція» (с. 31-я). И какая могучая сила это личное начало: по ея велѣнію измѣняется даже и самый строй рѣчи—смѣшиваются наклоненія, времена, вставляются и опускаются слова, чтобы оттѣнить участіе говорящаго въ передаваемомъ. А отсюда—цѣлый рядъ препятствій, затрудненій, безвыходныхъ положеній въ школьномъ разборѣ грамматическомъ, пытающемся уложить рѣчь живую, необычайно разнообразную, богатую тончайшими оттѣнками мысли, въ узкія схемы. Отсюда же—рядъ ошибокъ, ложныхъ толкованій, масса безплодно потерянпаго времени и труда при изученіи иностранныхъ, особенно древнихъ, писателей, когда не пытаются постичь индивидуальныя особенности, духовный складъ автора, его настроеніе, часто сказывающееся въ какомъ-нибудь формально малозначащемъ словѣ, въ коротенькой частицѣ, коими столь богатъ напр. языкъ греческій, потому быть можетъ и такой красивый, такой тонкій и богатый, что въ немъ глубокая индивидуальность старалась воплотить себя возможно точнѣе, восполняя этими частицами недостающую рѣчи жестикуляцію, мимику, чуть не выраженіе лица, чтобы передать вовнѣ какъ можно ярче личность говорящаго.

Но ужъ въ этомъ стремленіи передать другому возможно ярче свое настроеніе, свое желаніе, свою мысль, скрыто требованіе и отъ слушающаго отклика всей душой на призывъ, скрыто стремленіе быть понятымъ возможно широкимъ кругомъ лицъ, чтобы найти у нихъ откликъ на свои запросы; и къ этому стремится всякій изъ говорящихъ. Это и есть зерно *объективнаго начала* въ языкѣ. «Языкъ есть переводъ дѣйствительности, переложеніе, въ которомъ всѣ предметы являются уже обобщенными и классифицированными, благодаря мыслительной работѣ» (с. 36-я). «Привыкши къ языку, мы не представляемъ, что онъ заключаетъ въ себѣ массу умственной работы», и что благодаря ему незамѣтно, безъ особыхъ усилій передается отъ поколѣнія къ поколѣнію громадный запасъ знаній, понятій, основы міросозерцанія Разъ воплотивши явленіе, мысль, идею въ словѣ», мы увѣрены, что владѣемъ ею, чтобы распоряжаться по своей волѣ и сообщать другимъ. Такова услуга языка: онъ объективируетъ мысль, (с. 34-я) пріобрѣтая отъ этой великой услуги людямъ—ихъ общенія, единенія между собою,—новую силу—богатство содержанія и гибкость формъ. «Контуры языка (постепенно становятся) настолько эластичны, что могутъ сжиматься и расширяться для того, чтобы входить въ новыя классификаціи... наполняться новыми идеями» (с. 35-я), въ противоположность языку искусственному, (о которомъ недавно еще горячо толковали да и теперь эти толки не улеглись), при-

годному и очень удобному для узкаго круга идей, для нѣкоторыхъ спеціальныхъ предметовъ, да и то лишь на извѣстный періодъ времени, пока подъ вліяніемъ незамѣтной работы въ глубн языка не будетъ заготовлено новое понимание основъ, напр. матеріи какъ силы). «Приложенный-же вообще къ человѣческой мысли, разнообразной и сложной, измѣнчивой и прогрессирующей, (этотъ искусственный языкъ) не замедлитъ по прошествіи нѣкотораго времени обратиться въ кандалы и смирительную куртку» (с. 35-я).

Въ заключеніе авторъ «новой науки» устанавливаетъ мѣсто ея въ ряду другихъ, исходя изъ опредѣленія понятія «языкъ».

«Названіе языка организмомъ—пустое, ошибочное: съ такимъ же правомъ можно называть и письменность, а равно искусство, религію, законодательство и пр. организмами лишь потому, что они слагаются втеченіе вѣковъ, безъ замѣтнаго участія личной воли въ процессѣ ихъ развитія... Справедливо ли утверждать, что въ этой области отсутствуетъ свободная воля, только потому, что я не волью измѣнять смысла словъ и строить фразу по своей собственной грамматикѣ? Конечно нѣтъ. Въ дѣлѣ образованія языка свободная мысль каждаго индивидуума, безъ сомнѣнія ограничена точно такъ же, какъ и въ прочихъ проявленіяхъ нашей общественой жизни» (с. 38-я).—Языкознание, съ точки зрѣнія Бреаля, наука историческая, а потому «всякое измѣненіе въ смыслѣ слова, всякую грамматическую модификацію, всякую подробность синтаксиса можно назвать маленькимъ историческимъ событіемъ». (Ib).

Для тѣхъ, кто знакомъ съ ученіемъ проф. Потебни, эта «новая наука» не покажется новой, да еще, пожалуй, и блѣдно, не вполнѣ рельефно, а отчасти неточно и невѣрно формулированной, но стремленіе прививать въ широкой публикѣ основы психологическаго языкознанія въ живомъ доступномъ, легкомъ изложеніи заслуживаетъ вниманія и сочувствія всѣхъ, кому дорого процвѣтаніе мысли человѣческой, ея прогрессъ.

Что же касается нѣсколько рѣзкаго и схематическаго раздѣленія власти надъ нашими интеллектуальными процессами между четырьмя «олигархами—законами», его можно отнести на счетъ общей склонности французскаго ума—подводить для легкости и удобства воспріятія, все подъ опредѣленныя, хотя бы и искусственныя рубрики,—пріема очень плодотворнаго, сослужившаго мысли великую службу, но не всегда согласнаго съ глубокими, точными требованіями строгой науки и запросами жизни,—всегда индивидуальныхъ, всегда уходящихъ за предѣлы пам-

часмыхъ имъ рамокъ, всегда вращающихся въ предѣлахъ двухъ борющихся, другъ друга восполняющихъ и оживляющихъ началъ—субъективнаго и объективнаго. На нихъ виситъ и все языкознаніе: въ языкѣ эти начала что желтокъ и бѣлокъ въ яйцѣ; ими все живетъ и питается, изъ нихъ вырастаютъ и развиваются всѣ прочіе «закопы», заправляющіе работами нашей мысли, поскольку она выражается въ словѣ.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР